Ю. А. Зубок, В. И. Чупров

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ

ЗУБОК Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН (e-mail: *zubok@rol.ru*), ЧУПРОВ Владимир Ильич — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи ИСПИ РАН.

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы разработки механизма социокультурной саморегуляции политической жизни молодежи современной России в условиях процесса изменений политической системы.*

Ключевые слова: *акции, деловая активность, капитализация поколений, «декапитализация поколений», массовая приватизация, патернализм, политика, распродажа, приватизация.*

Проблема саморегуляции в современной социологической науке является одной из наиболее актуальных. Это обусловлено процессами, протекающими в современном российском обществе, влияющими на расширение форм и способов самореализации молодежи, на характер ее взаимодействия с институциональными структурами и социальными группами. И, хотя социальные институты по-прежнему составляют основу регулирования этих процессов, их воздействие на сознание и жизнедеятельность индивидов и групп повсеместно ослаблено. Как следствие, в общественной жизни молодежи на групповом и индивидуальном уровне активизируются механизмы саморегуляции.

Содержательную направленность процессу саморегуляции придают социокультурные механизмы — сложная, внутренне взаимосвязанная система мотивации, которая содержит образцы, позволяющие молодому человеку упорядочивать социальную реальность и преодолеть личностные отклонения в процессе своего развития. В парадигме классической социологии механизм социокультурной саморегуляции можно представить как последовательность взаимных переходов потребностей, интересов и цен-

ностей в достижении определенных целей. Эти цели возникают как альтернативы внешним влияниям и ориентируют индивида или группу на изменения путем воздействия на самих себя.

Первоосновой мотивации, определяющей предметную направленность социальной саморегуляции, выступают потребности. Они отражают состояние неудовлетворенности человека, группы чем-либо или кем-либо и переживаются в виде желаний и влечений к предмету, внешнему по отношению к ним. Неудовлетворенность общественно-политическими условиями отражается в ожиданиях, адресованных миру политики, характеризует особое состояние как движущую силу политической активности и политического участия в различной форме. Для того чтобы активность приобрела форму конкретного поступка, поведения, политической деятельности необходимо преобразование потребностей в интересы. Политические интересы отражают субъективные запросы человека (группы) к окружающему миру в форме заинтересованности (выгодно/невыгодно) и объективные требования к личности или к группе с точки зрения возможностей ее удовлетворения (возможно/невозможно). Неудовлетворенность социальным положением и осознание ограниченности возможностей самореализации превращает интересы в наиболее общие цели деятельности, что отражается в мотивах политической деятельности. Интересы, таким образом, придают саморегуляции деятельностную направленность. Повторяясь в одинаковых условиях, образцы деятельности превращаются в установки — осознанную или неосознанную готовность к политической активности определённым способом. Совокупность установок на высшие принципы, содержащиеся в коллективных представлениях, складываются в ценности. Они выполняют функцию смыслообразования в механизме саморегуляции политической жизни. Высшие смысложизненные ценности интегрируются в нравственном сознании, благодаря чему происходит возвышение и усложнение внутренних стимулов поведения человека и деятельности группы в соответствии с индивидуальными или групповыми представлениями о должном, значимом, о смысле бытия. Обеспечивая взаимодействие потребностей, интересов, ценностей как элементов мотивационной сферы сознания, социокультурные механизмы вырабатывают относительно общие стандарты поведения и критерии оценок, которые становятся основой саморегуляции молодежи в политической сфере.

Однако рассмотренный социокультурный механизм направлен на саморегулирование преимущественно линейных социально-политических процессов с прямыми связями и зависимостями. Между тем, многие процессы возникают спонтанно, а в их основе лежат случайные факторы. Особенно это характерно для условий социальной неопределенности, присущих современным обществам. Ее степень и характер могут варьироваться, от краткосрочных состояний кризиса до крайней неопределенности, выра-

женной в неструктурируемости, т. е. невозможности построения модели социально-политического процесса, или даже всей общественно-политической системы.

В общественном плане неструктурированность наиболее ярко проявляется в потере управляемости, когда самые правильные политические цели не получают адекватного отражения в социальных структурах, не закрепляются в организационных формах и нормах отношений. На индивидуально-личностном уровне неструктурированность выражается в распаде ценностных, мотивационных, нормативных структур, в доминировании спонтанно возникающих образцов политического поведения. В таких обществах, включая современное российское, потребности существенно индивидуализируются, политические интересы все чаще выходят за рамки социально-групповой принадлежности, происходит отказ от абсолютных истин и непреходящих ценностей. Каждый при этом конструирует свою систему ценностей, удобную для его комфортного существования, переходит к временным, договорным, сугубо прагматичным отношениям. Для подобных условий характерна нелинейная социальная динамика, выраженная волновыми, колебательными процессами устойчивости и неустойчивости, отсутствием принудительной каузальности в силу разрыва непосредственных причинно-следственных связей с прошлым[1].

Для нелинейно развивающейся социальной системы, лишенной жесткой детерминированности, характерно множественное разветвление путей развития. Однако нелинейность не только активизирует возможности позитивных социально-политических изменений, но и вызывает новый виток неупорядоченности и неструктурированности внутри системы, т. е. становится фактором неопределенности. Неструктурированность и неупорядоченность как свойства неопределенности вытесняют теряющие эффективность в подобных ситуациях целеориентированные методы социально-регуляционного воздействия. А их место занимает практически неограниченное количество самоорганизованных, взаимодействующих между собой акторов, действующих в политическом пространстве. При этом не только усиливается роль саморегуляции как таковой, но и существенно корректируется ее действие. От индивидов требуются особые навыки адаптации к спонтанно меняющимся общественным отношениям. Новая повестка дня, отмечает З. Бауман, формируется, вместе с «расплавленной» версией современных условий человеческой жизни, — и в особенности вслед за ‘‘индивидуализацией’’ жизненных задач, являющейся результатом этих условий…. Индивидуальность при этом «должна быть достаточно твердая, чтобы быть признанной как таковая, и все

[1] Волновые процессы в общественном развитии. — Новосибирск, 1992. — С. 54; Статистические и динамические закономерности // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М.: Мысль, 2001. Т. 3. — С. 635; *Кравченко С. А.* Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. — М.: Экзамен, 2007. — С. 715 и др.

же достаточно гибкая, чтобы не препятствовать свободе будущих движений в постоянно меняющихся обстоятельствах»[1]. Происходит многоуровневая субъектная саморегуляция, которая отражает способность активно и автономно существовать и действовать в изменяющемся обществе. А сам процесс социокультурной саморегуляции сводится к перераспределению потребностей и интересов, смыслов и значений для принятия рационального, т. е. наиболее оптимального в конкретной ситуации, по мнению самого субъекта, решения. Так возникают различные общественно-политические объединения или проводятся разовые политические акции, когда молодежь спонтанно объединяется для реализации конкретных прагматичных целей.

Между тем, на фоне довлеющей прагматизации отношения часто приобретают имитационный характер. Они распространяются и на участие в общественно-политических движениях, и на выборы в органы власти, и на деятельность политических партий, и на поведение политиков, и на электоральное поведение широких слоев молодежи. В наиболее общем виде имитационные модели саморегуляции позволяют рационализировать политическую жизнь в условиях неопределенности, преодолевая так называемую «игру политических структур», под которой Ж. Дерида понимал исчезновение строгой определенности функций структуры и замену их симулякром[2]. По З. Бауману, имитационная практика связана с тем, что «не нужно развивать привязанности, принимать на себя длительные обязательства по отношению к чему-либо, включая результаты своей собственной деятельности»[3]. Субъект политического процесса — участник ли он общественно-политического движения, участвует ли в выборах, или в задействован в конкретных политических акциях — может имитировать принятие обязанностей, функций, преследуя свои собственные прагматические цели. Подобные установки в политической жизни направлены не столько на достижение высших политических целей, сколько на решение материальных проблем, карьерный рост, достижения в бизнесе и т. д. посредством включенности в политический процесс. Поэтому в условиях нелинейности и неопределенности в силу ослабления целеориентированного регулирования, социокультурные ориентиры приобретают преимущественно индивидуально-личностный характер.

Значимая роль в формировании индивидуализированных целей и ценностей принадлежит референтным самоорганизованным группам, молодежным субкультурам и находится под влиянием групповой дифференциации, определяемой социально-демографическими, статусными и социально-психологическими особенностями людей, а также националь-

---

[1] *Бауман З.* Текучая современность. — СПб. : Питер, 2008. — С. 57.
[2] *Дерида Ж.* Письмо и различие. — СПб. : Академический проект, 2000. — С. 77.
[3] *Бауман З.* Указ. соч. — С. 135.

но-этническими различиями, характером социальных ожиданий, неодинаковыми условиями жизни, степенью стабильности/нестабильности индивидуальной жизненной ситуации. Отражение этих признаков в сознании молодежи придает существенные особенности социокультурной саморегуляции этой социально-демографической группы.

Особенности социокультурной саморегуляции молодежи вытекают и из ее групповых особенностей. Прежде всего, из переходности ее социального статуса, маргинальности, незавершенности становления социальной зрелости и социальной субъектности и, как следствие, лабильности и неустойчивости её мотивационных структур. Собственные убеждения еще только вырабатываются, поэтому решающее влияние оказывают сиюминутные ситуативные интересы, сложившееся на данный момент времени положение, случайное стечение обстоятельств, т. е. конъюнктура. А свойственная молодежи пластичность ценностно-нормативных и поведенческих систем еще больше делает ее открытой любому манипулированию.

В саморегуляции политической жизни конъюнктура и внешнее влияние играют особую роль. Его источником может быть как консолидированное общественное мнение по тому, или иному актуальному вопросу, которое задает определенные границы, в пределах которых и осуществляется условно свободный индивидуальный выбор собственной политической позиции. Таким источником может быть и мнение влиятельного лидера как выразителя авторитетного в глазах молодежи мнения. Однако ни мнение коллектива, ни позиция лидера не являются институционально закрепленными нормами, но это достаточно влиятельные культурные ориентиры, артикулируемые и транслируемые массовому сознанию через СМИ, молодежные субкультуры, становящиеся стандартами поведения. Осознанное, или неосознанное стремление соответствовать этим стандартам нередко определяет ситуативные политические предпочтения. Отсюда их изменчивость в соответствии со сменой политической конъюнктуры. Поэтому саморегуляция молодежи в политической сфере носит скорее случайный, экспериментальный, спонтанный характер, а сам механизм саморегуляции крайне неустойчив.

Политическое сознание молодежи — это способность отражения, во-первых, рациональных и чувственных, теоретических и эмпирических, ценностных и нормативных, осознанных и подсознательных представлений о сущности и принципах политической системы; во-вторых, реальных процессов политической жизни общества в непосредственной связи с её групповыми и индивидуальными интересами, возникающими в процессе её становления как субъекта общественного воспроизводства, закрепленных в ценностно-смысловых и знаково-символических образцах[1]. Оно проявляет-

[1] *Сорокин О. В.* Формирование политического сознания молодёжи в условиях трансформации современного российского общества (социокультурный аспект): Дис. … канд. социол. наук. — М. : ИСПИ РАН, 2008.

ся в политических ориентациях молодых людей, в их отношении к действующим структурам и институтам власти, к политическим партиям и общественным движениям. Процесс его социокультурной саморегуляции представляет собой изменения системы взглядов, ориентаций, убеждений молодежи в отношении сущности власти и проводимой политики, формы отражения ее групповых политических интересов под влиянием ценностно-нормативных систем, определяющих отношение молодых людей к объектам политической реальности и формы их политического поведения. Само по себе отношение отражает преимущественно эмоциональный аспект саморегуляции. Приобретая форму политических настроений, эмоциональные проявления становятся значимой силой, способной захватывать и объединять молодых людей, регулируя их взаимодействие с политическими структурами.

За годы постсоветской трансформации общественно-политическая система неоднократно переживала множественные волновые колебания. Она переходила от детерминированной определенности к полному хаосу, обретала отдельные черты нового социально-политического порядка и снова испытывалась на прочность очередным витком кризиса и дестабилизации. Такое же неустойчивое положение занимала в ней и молодежь. Это не могло не сказаться на видении молодежью своего места в социально-политических взаимодействиях, характере отношения к событиям политической жизни, доверии политической системе. В 1990-е годы многие молодые люди не видели своего места в условиях чужой борьбы за политическое влияние, в то время как их насущные потребности и интересы практически не были отражены в деятельности политических партий. Именно в этот период в молодёжной среде был отмечен рост недоверия к действующей политической власти, полное, или частичное отчуждение молодёжи от политической жизни, имевшее результатом вынужденную индивидуализацию молодежи. Подобная ситуация не только лишала молодёжь возможности понимания происходящего и делала непредсказуемым её будущее, но расшатывала демократические ценности и установку на политическое участие как способ саморегуляции. Во многом эти настроения воспроизводятся и в изменившихся социально-политических условиях.

О динамике политических установок[1], отражающих наиболее распространенные в молодежной среде взгляды и настроения, можно судить на

[1] Анализ основан на данных социологического мониторинга «Социальное развитие молодежи», проводимого Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН с 1990 года по сопоставимой методике в 12 регионах РФ. Выборка молодежи в возрасте 15 — 29 лет составила в 1990 г. — 10412 чел.; в 1994 г. — 2612 чел.; в 1997 г. — 2500 чел.; в 1999 г. — 2004 чел.; в 2002 г.- 2012 чел., в 2006-2000 чел. (Рук. — д. соц. н., проф. В. И. Чупров); Исследовательского проекта «Молодёжь новой России: чем живет, к чему стремится?», проведенного Отделом социологии молодёжи ИСПИ РАН совместно с Институтом социологии РАН в 2006 — 2007 гг. Выборка молодёжи в возрасте 15 — 29 лет в 12 регионах РФ составила 1200 чел. (Рук. чл.-корр. РАН М. К. Горшков и д. соц. н. Ю. А. Зубок); Исследования социальной базы и участ-

основе согласия или несогласия респондентов с различными утверждениями (таблица 1).

Таблица 1

Изменение политических настроений молодежи 2002-2007 гг. (в % от числа опрошенных)

Утверждения (настроения)	1999		2002		2007	
	Согласен	Не согласен	Согласен	Не согласен	Согласен	Не согласен
Власти нет дела до нужд молодежи, ее используют только как инструмент в избирательных кампаниях	87,0	13,0	79,1	20,4	69,9	30,1
Сейчас все живут сегодняшним днем и не заботятся о будущем	64,8	35,2	63,5	36,5	55,2	44,8
Благополучие человека зависит только от него самого, никто не должен вмешиваться в его жизнь, и ему нет дела до других	47,1	52,9	56,5	43,5	54,0	46,0
Сегодня главное в жизни — это деньги	55,9	44,1	62,5	37,5	57,9	42,1
Теперь нет честных и не честных способов делать деньги, есть только легкие и трудные пути	61,5	38,5	67,2	32,8	62,8	37,2
У таких людей, как я, нет никаких возможностей повлиять на действия власти	86,9	13,1	85,1	14,9	77,3	22,7

В перечисленных утверждениях в крайней эмоциональной форме содержится: во-первых, признание равнодушия со стороны власти к нуждам молодежи; во-вторых, утверждение, что в результате проводимой политики она лишена перспектив в жизни, в ее отношениях доминирует индивидуализм, деньги становятся главной ценностью, а нравственные критерии утрачивают смысл; в-третьих, отсутствие надежды на возможность политического влияния на происходящие процессы. Между тем, как следует из таблицы, в анализируемый период заметно уменьшилась доля молодежи, согласной с перечисленными утверждениями, что свидетельствует о понижении градуса нигилизма в политических настроениях и установках молодежи в отношении власти. Исследование выявляет снижение уровня скепсиса в отношении своей саморегуляционной субъектности — возможностей влияния на ситуацию — до 77,3% среди молодёжи в целом и до 70% среди участников молодёжных движений. Вместе с тем, доля поли-

ников молодежных движений в возрасте 15-29 лет в 19 регионах РФ. Объем выборки — 556 чел. (Рук. д. соц.н. Ю. А. Зубок и д. соц. н., проф. В. И. Чупров).

тического нигилизма еще достаточно высока, чтобы полностью исключить возможное неприятие молодежью политики государства. Уровень неверия в собственные силы как участника коллективных форм саморегуляции в форме политического влияния остается очень высоким, что и приводит к активизации такого саморегуляционного механизма как индивидуализация. Она проявляется в нарушении коллективистских способов саморегуляции — расщеплении макро идентичностей; недоверии коллективным субъектам — политическим партиям, общественным организациям; замкнутости молодёжи в пределах микро групп. Поэтому значительная часть молодёжи ориентирована на собственные силы в решении своих актуальных проблем. Тем самым создаются предпосылки для расширения саморегуляционных стратегий в политической жизни молодежи.

Отношение к политическим структурам как основа саморегуляции политического сознания молодежи прослеживается в уровне доверия политическим и общественным институтам (таблица 2).

Таблица 2

Динамика оценок доверия молодежи государственным и общественным институтам, 1996-2007 гг. (в % от числа опрошенных)

Институты	Степень доверия							
	1996		1999		2002		2007	
	Доверяю	Не доверяю	Доверяю	Не доверяю	Доверяю	Не доверяю	Доверяю	Не доверяю
Президенту РФ	14,2	50,1	3,1	81,2	57,2	20,1	62,1	12,9
Правительству РФ	8,2	52,6	11,6	66,9	24,9	48,4	28,7	34,9
Госдуме	6,8	54,4	5,6	71,9	15,8	55,7	18,7	43,3
Руководителям регионов	13,8	45,2	20,0	51,9	22,0	50,3	23,3	37,9
Милиции	13,3	56,9	17,3	61,7	20,1	63,3	20,5	49,5
Суду	20,2	43,6	25,7	49,4	30,4	48,4	33,6	34,4
Прокуратуре	17,6	43,3	22,8	48,6	28,6	47,1	30,3	33,3
Армии	24,3	39,7	37,2	38,3	34,4	45,2	31,8	37,0
Профсоюзам	13,2	47,8	15,5	52,6	22,0	46,2	17,2	36,8
Церкви	32,0	27,2	37,5	32,7	48,1	25,7	46,2	18,6
Политическим партиям	3,7	57,5	5,9	70,0	8,2	69,7	7,0	53,1
СМИ	21,8	37,6	32,0	41,2	30,5	46,1	31,7	33,4
Руководителям предприятий	10,4	47,4	11,9	55,4	24,2	44,4	18,9	36,3

Однако нельзя не видеть, что кроме Президента РФ и Церкви тенденции изменения уровня доверия (разница между доверием и недоверием)

ко всем другим институтам сохраняют отрицательные значения. Каждый десятый молодой человек (9,3%) выразил полное недоверие всем без исключения политическим институтам, что подтверждает вывод о распространенности в молодежной среде крайней формы политического нигилизма. Отражая депрессивное состояние молодежного сознания, нигилизм не менее опасен в своих крайних проявлениях, чем радикализм. При определенных условиях он также как радикализм в саморегуляционных стратегиях может перерасти в экстремистские проявления.

На уровень доверия/недоверия к различным институтам оказывает влияние множество факторов. Они формируют базовые политические ориентации на отношение к власти, особенности восприятия политической реальности, формы политического участия молодежи. Базовые ориентации отражают коллективные представления, которые находятся в основе неосознаваемых элементов массового сознания — архетипов сознания[1]. Именно архетипы являются фундаментом системы политических ценностей в обществе. Они становятся частью коллективного сознания и внешним фактором по отношению к индивидуальному сознанию молодёжи. Признаваемые идеи, с которыми необходимо считаться, оказывают регулирующее воздействие на молодых людей, ориентируя их на доверие/недоверие, на то, как следует воспринимать происходящее и как поступать. Образы политических объектов в сознании молодёжи трансформируются в культурно-символические схемы восприятия политической реальности. Данные схемы выражаются в отрицательном или положительном отношении к событиям политической жизни. Нередко они проявляются в форме стереотипных схем мышления и не отличаются особой рефлексией со стороны молодежи. В этом случае политическое сознание формируется под влиянием случайных обстоятельств, которые зачастую невозможно предвидеть. Следовательно, здесь не может быть прямой зависимости и многочисленные связи, детерминирующие этот процесс, носят нелинейный характер. Сложное переплетение этих факторов результировалось в общей тенденции — недоверия молодежи к подавляющему большинству институтов, что свидетельствует о состоянии неопределенности, сохраняющейся в механизме регуляции. На это указывает соотношение положительных (доверяю) и отрицательных (не доверяю) оценок. Из таблицы 2 видно, что в период до 1999 г., отмеченный растущей неопределенностью, связанной с неэффективными реформами и последующим дефолтом, происходит накопление отрицательной энергии во взаимодействии молодежи и общества, что наглядно проявляется в тенденции роста отрицательных значений оценок доверия ко всем институтам, кроме церкви и армии. Средние значения отрицательных оценок возросли с −31% до −37,3%. Достигнув порогового

[1] *Немировский В. Г.* Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006.

отрицательного значения в особой точке, называемой точкой бифуркации, тенденция снижения уровня доверия молодежи социальным институтам меняет свою направленность.

Процесс формирования политического сознания молодёжи длительное время находился под влиянием неопределенности на фоне непримиримого противостояния взаимоисключающих идейных образцов. В их основе были, с одной стороны, набиравшие силу идеи либерализма, пропагандируемые СМИ, частью либерально настроенной интеллигенции, предпринимателями, правозащитниками и поддерживаемые другой частью общества государственнические ориентации. Каждый из образцов оказывал определенное воздействие на политические ценности и представления молодых людей. В результате в конце прошлого — начале нынешнего десятилетия в составе молодёжи сформировались две группы, с принципиально различными образцами политического сознания. Их ориентации отобразились двумя противоположными моделями политических ориентаций и соответствующими им моделями гражданственности[1]. Первая модель содержала образцы социоцентристской направленности, соответствующие ощущению чувства долга перед государством и ожиданий от него гарантий социальной защиты. На том основании, что данная модель воспроизводила эти образцы еще в советский период, она может быть интерпретирована как традиционная. В роли традиционных выступают патерналистские установки, ориентирующие на помощь государства, политических институтов при решении социальных проблем. Эмпирической индикацией данной установки послужило утверждение: «Молодёжь еще не обрела самостоятельность и общество должно заботиться о ней». В разной степени согласие с таким утверждением выразили две трети (60,6%) респондентов. То есть, для данной модели политического сознания характерна совокупность установок на реализацию долга и обязательств перед страной, сопровождаемых характерными уже для новейшего времени ожиданиями гарантий своих политических и иных прав, обеспечение безопасности и защищенности.

Другая модель политического сознания имела признаки антропоцентристской направленности с характерной доминантой либеральных ценностей личной свободы, независимости и защищенности. Главным признаком подобного типа политического сознания является ориентация молодежи на самостоятельность и индивидуализм. Индикация этого признака осуществлялась на основании согласия с утверждением: «Каждый человек должен самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а не ждать помощи от государства». Согласие 73,4% респондентов с подобным утверждением продемонстрировало устойчивую установку этой части молодежи на самостоятельность. Еще более однозначно проявили свое отношение к государству

[1] См.: *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. — М.: Наука, 2001. — С. 102.

сторонники утверждения: «Молодежь должна сама о себе заботиться, а государство должно создавать для этого условия». Тем самым 82,5% респондентов выразили готовность принимать на себя гражданские обязательства и исполнять гражданский долг лишь при условии обеспечения гарантированных конституционных прав. Акцент на правах человека и гражданина в политических ориентациях молодёжи, явно присутствующий во второй модели, позволяет отнести её политическое сознание к современному типу. Таким образом, молодёжь конца 90-х являлась одновременно носителем и традиционных, и современных образцов политического сознания, каждый из которых становился базой саморегуляции ее поведения.

Дальнейшее структурирование ценностных ориентаций в политическом сознании молодёжи на стадии нового вектора трансформации — перехода от полной неопределённости к определённости в общественно-политическом пространстве (начало 2000 гг.) сохраняло названные образцы, также в весьма противоречивой, но ослабленной форме. Несмотря на «стабилизационный дискурс», развернувшийся после дефолта, одновременно произошло расшатывание сложившихся моделей политического сознания — и традиционной, и современной. Модель социоцентристского типа с акцентом на гражданский долг и обязанность, за соблюдение которых молодые граждане вправе ожидать неукоснительное соблюдение их прав и гарантий, в т. ч. и на безопасное существование, оказалась подорвана попранным чувством национального достоинства, равно как и социальной справедливости. Как показывают исследования, именно несправедливость в данной модели вышла на первый план и обострилась как ценность среди молодёжи с высоким уровнем экстремального сознания. В противоречие вошли фундаментальные ценности неприкосновенности и целостности страны, её исторического прошлого, настоящего и возможного будущего и та реальность, которая связана с расхищением национальных богатств, принижением ее исторической роли, переписыванием истории и др.

Модель антропоцентристского типа, сформировавшаяся в политическом сознании современного поколения молодёжи под влиянием либерально-демократических ценностей с базовыми ориентациями на политические и гражданские свободы, конституционные права, гарантии прав человека и гражданина как следствие правового государства также существенно поколеблена. Основным противоречием здесь стала неготовность государства отвечать собственным громким заявлениям и обещаниям демократического характера. Немаловажную роль в дискредитации либеральной идеи сыграли непоследовательные действия самих либералов, не оправдавших надежд избирателей. Острое ощущение нереализованных ожиданий со стороны молодёжи порождает её ответную реакцию в форме как нигилизма, так и радикализма в реализации индивидуализированных саморегуляционных стратегий. Как показывают исследования,

молодёжь, отличающаяся данным типом политического сознания, составляет значительную часть правозащитных и протестных движений.

Исторический опыт и сравнительные исследования наглядно свидетельствуют о том, что стремление мгновенно покончить с наследием прошлого на деле не приводит к моментальной замене старых образцов новыми, даже в сознании представителей молодого поколения. Как показывают исследования, проводимые на постсоветском пространстве, наслоение ценностей различных эпох является типичной характеристикой сознания современной молодежи. Это явление уже было описано как феномен «слоеного пирога», в котором источниками формирования ценностно-нормативных образцов выступают социокультурные паттерны различных эпох. Среди них образцы, унаследованные как из исторически отдаленного, так и недавнего прошлого, укорененные в ментальных структурах[1]. В условиях трансформации традиционные ментальные структуры, переплетаясь с привнесенными извне новыми современными идеями, социокультурными образцами и стилями жизни, конструируют причудливые ценностно-нормативные конфигурации, так называемые культурные гибриды, сочетающие, казалось бы, не сочетаемые ценности и оттого чрезвычайно противоречивые. Так, современной молодежью устойчиво воспроизводятся этатистские ориентации. От государства ожидаются гарантии трудоустройства, бесплатного образования и здравоохранения, социальной защиты и принятия на себя ответственности за судьбу отдельной личности. Такие ожидания характерны, разумеется, не для всей молодежи, но для весьма значительной ее части. Между тем, в современных условиях подобные ожидания никак не вписываются в политику государства по сокращению своего патерналистского участия даже в минимальных пределах. Подобное отношение со стороны государства вызывает недоверие молодежи, гражданский нигилизм и протест. В результате в политическом сознании значительной части российской молодежи присутствует одновременно и недоверие государству и его органам и ожидание помощи от него.

Другим проявлением противоречивого политического сознания, соединения традиционных и современных образцов является приверженность демократии и одновременная ориентация на сильное государство, сосуществование ориентаций на мощное государство, возглавляемое сильным лидером, и одновременная приверженность традиционно-демократическим принципам избрания власти; примерно равные по силе установки на централизацию, поддерживаемую укреплением вертикали власти, и децентрализацию в форме расширения самостоятельности в управлении на региональном уровне. В современной социологии это явление трактуется как «массовая десоциализация и ресоциализация личности, когда индивид, обычно не осознавая, одновременно одобряет (или отрицает) проти-

[1] См.: *Чупров В. И., Зубок Ю. А.* Молодежь в общественном воспроизводстве: Проблемы и перспективы. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000.

воположные ценности»[1]. Этот социально-исторический синтез наблюдается в среде молодежи во всех странах постсоветской трансформации.

Таким образом, в формировании политического сознания современной российской молодежи институциональные воздействия вытесняются саморегуляционными механизмами. Это связано с состоянием неопределенности во всех сферах общества. Представленный анализ указывает на наличие прямой связи неопределенности с нелинейным характером процессов, протекающих в политической жизни молодежи, что обусловило активизацию саморегуляционных механизмов. Вместе с тем в спонтанности нелинейных процессов прослеживается некая закономерность, связанная с влиянием традиционных ценностей российской политической культуры. Закрепленные в архетипах, доминирующих в российском коллективном бессознательном и отражаясь в ментальных структурах каждого нового поколения, образцы национальной политической культуры проявляются в сознании современной российской молодежи. В качестве таких образцов выступают национально-патриотические и государственнические ориентации, стремление поддерживать сильную харизматическую личность во главе страны. Другая устойчивая тенденция нелинейных флуктуаций в политической жизни российской молодежи связана с влиянием модернизационных и глобализационных процессов, происходящих в российском обществе. Модернизация проявилась в индивидуальном и групповом сознании молодежи в форме традиционно-демократических ориентаций. В результате сформировались два пласта политического сознания молодежи — сохраняющийся традиционный и нарастающий современный. Направленность дальнейшего развития молодежного сознания во многом будет зависеть от перспектив гармонизации саморегуляционных процессов и общественных потребностей в процессе нелинейного развития российского общества.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. — СПб. : Питер, 2008.

2. Дерида Ж. Письмо и различие. — СПБ. : Академический проект, 2000.

*3. Лапин Н. И. Ц*енности как компоненты социокультурных эволюций современной России // Социологические исследования. — 1991. -№ 5.

4. Немировский В. Г. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006.

5. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. — М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000.

© Зубок Ю. А., Чупров В. И., 2011

[1] *Лапин Н. И.* Ценности как компоненты социокультурных эволюций современной России // Социологические исследования. — 1991. — № 5. — С. 9.